

Бэй Гу стоял за густыми колючими зарослями на крутом склоне горы, скрывая фигуру в полумраке. Сквозь редкие сухие ветки он холодно наблюдал за тем, как Фэн Чунгуан сражается с противником, истощая последние силы.

Жизнь, смерть, родина, мир — всё это не имело для него значения. Возможно, реальность стёрла все его надежды, уничтожив и желания. Радости и горести других людей больше не касались его.

Сегодня, если он убьёт Фэн Чунгуана, мир изменится, власть перейдёт в другие руки. Но что из этого? Даже если Фэн Чунгуан вершит судьбы мира, сейчас он всего лишь беспомощная жертва, ожидающая своей участи.

Зимний лес был мрачен и безжизнен, и в глазах Бэй Гу царила такая же пустота.

Пальцы Бэй Гу не переставали теревить узор на ножнах меча, а взгляд рассеянно скользил по фигуре, борющейся со смертью. С порывом ветра он замер, большой палец надавил, и холодный клинок вышел из ножен...

Ван Цзэвэнь крикнул:

— Стоп! Неправильно! В глазах слишком много эмоций, Бэй Гу в этот момент не должен их проявлять!

Линь Чэн на мгновение замер, затем кивнул.

Сцена зависла.

— Стоп! Слишком пусто, глаза как у мёртвой рыбы!

— Нет! Ты слишком смотришь в камеру, не смотри на неё краем глаза!

— Стоп! Не то ощущение!

— Неправильно, неправильно, ещё раз! Следи за движениями тела, когда вынимаешь меч. Действие должно быть более резким, более жестоким.

Крупный план переснимали пять раз подряд, лица всех присутствующих стали серьёзными.

Дневной лимит ошибок был исчерпан, дальнейшие промахи разблокируют режим критики Ван Цзэвэня.

Линь Чэн, заметив, как изменились выражения лиц окружающих, тоже напрягся. Его и без того бледное лицо стало совершенно бескровным.

Гань в душе выругался на Ван Цзэвэня и тихо успокоил Линь Чэна:

— Что бы он ни говорил, не принимай близко к сердцу. Он такой человек, просто ругается, а завтра забудет.

Недалеко Ван Цзэвэнь с мрачным лицом быстрыми шагами направился к ним, его поведение выглядело крайне агрессивным.

Все подумали: неужели он собирается ударить? Всего лишь новичок, разве это стоит того?

Ван Цзэвэнь выдал свою знаменитую фразу:

— Что с тобой происходит?!

Все подумали: «Как и ожидалось!»

Они ещё не знали режиссёра Вана. Он повернулся в другую сторону и начал ругать человека рядом:

— Почему ты так странно стоишь? Ты прямо перед ним, мешаешь его эмоциям. И ещё разговариваешь с ним, о чём ты говоришь?

Звукорежиссёр запоздало осознал:

— ...??

Какое это имеет отношение к нему? Разве гравитация Земли виновата?

Он огляделся, встретив множество сочувствующих взглядов, затем стиснул губы, с трудом подавив горькую обиду.

Ладно, ради новичка он потерпит.

Линь Чэн всё ещё находился в ступоре, когда его правую руку кто-то схватил. Неизвестно, от холода или из-за напряжённой атмосферы, он невольно вздрогнул.

Этот дьявол — посмотрите, до чего он довёл бедного Линь Чэна!

Ван Цзэвэнь тоже опешил от его дрожи, слегка нахмурившись. Линь Чэн уже собирался извиниться, как вдруг услышал, как Ван Цзэвэнь, стараясь говорить спокойно, произнёс:

— Смотри в камеру, но не пялься на неё. Техника кино отличается от телевидения, ты не должен так навязчиво следить за объективом. Расслабься, ты слишком напряжён.

Он обращался к Линь Чэну совсем не так, как к остальным грубым мужикам.

В сердцах всех промелькнула одна мысль — Ван Цзэвэнь, блин, играет в фаворитов!!

Ван Цзэвэнь сказал:

— Твой взгляд не тот, но я верю, что ты сможешь сделать лучше. Попробуй ещё раз.

На самом деле, взгляд Бэй Гу был лишь мимолётным кадром, как вспышка меча, не крупным планом. Более важным было движение его руки, и то, что он показал, уже было достаточно.

Но Ван Цзэвэнь считал, что съёмки только начались, и если сейчас он не сможет передать такие эмоции, то что будет дальше? Он настаивал на том, чтобы довести этот кадр до идеала.

Он нахмурился, задумавшись, затем внезапно повернулся и сказал:

— Какой взгляд я хочу? Я хочу тот взгляд, который был у тебя, когда ты впервые меня увидел!

Когда он впервые увидел Ван Цзэвэня?

Ван Цзэвэнь подсказал:

— Не пойдём!

Линь Чэн:

— ...

Все:

— ?? О чём он?

Линь Чэн приготовился к напористости, но Ван Цзэвэнь оставил лишь эти лёгкие слова и ушёл. Линь Чэн на мгновение растерялся, затем собрался и продолжил работу.

На седьмом дубле сцена наконец была снята.

Все вздохнули с облегчением, и Линь Чэн тоже расслабился.

Ван Цзэвэнь, лениво развалившись в кресле и держа в руках грелку, с саркастической улыбкой произнёс:

— Если кто-то ещё будет рассказывать в съёмочной группе страшилки обо мне, вводить в заблуждение новых актёров, мешать съёмочному процессу и нарушать гармонию команды... хе-хе.

Все:

— ...

Они ничего такого не говорили. Просто все были слишком проницательны.

Если бы они могли загадать желание джинна, их общей мечтой было бы — наделить Ван Цзэвэня хоть каплей чувства меры.

После завершения этой части сняли ещё несколько кадров, затем перешли к сцене с диалогами Линь Чэна и Го Иши.

К этому моменту Бэй Гу уже спас Го Иши, и его мысли колебались между убийством и пощадой, сложно сказать, что перевешивало.

Фэн Чунгуан, вероятно, тоже это понимал, но он был умным человеком и лишь с радостью выразил Бэй Гу свою благодарность.

Бэй Гу холодно смотрел на него. На все его попытки заговорить он отвечал молчанием. Фэн Чунгуан притворился, что не замечает этого, и с энтузиазмом приблизился к нему, начав беседу.

Бэй Гу, казалось, почувствовал его скрытое напряжение и осторожность. Наследный принц, который так старательно угождал, доставил ему некоторое удовольствие, поэтому он не стал действовать, а последовал за ним.

Как охотник, размышляющий, когда пора убить свою добычу.

Линь Чэн продолжал сохранять свой ледяной взгляд, стоя напротив Го Иши в роли декорации, даже не меняя позиции.

Классический китайский язык и так сложен для запоминания, а сейчас ещё и холодно, и язык Го Иши будто заплетался, он никак не мог справиться. Из-за этого Линь Чэну несколько раз пришлось переснимать.

— Извини, — Го Иши выглядел очень подавленным. — Я выучил текст, просто...

Линь Чэн ответил:

— Ничего.

Они подняли глаза и увидели одинаковое напряжение во взглядах друг друга, затем улыбнулись.

Помощник поднёс сценарий Го Иши, и тот, с покрасневшими от холода руками, с усилием перелистал страницы, продолжая запоминать текст.

Сегодня всё шло не так, и Ван Цзэвэнь, вероятно, тоже был задет. С мрачным лицом он вышел на перерыв, выкурил две сигареты, чтобы справиться с эмоциями, затем вернулся к съёмкам.

Линь Чэн, закончив свою роль статиста, завершил свои сцены на сегодня.

Он собирался уйти, но Ван Цзэвэнь остановил его:

— Сегодня, когда все закончат работу, возьми сценарий и заметки и зайди ко мне в номер. Ты знаешь, где я живу?

Линь Чэн:

— Знаю.

Ван Цзэвэнь, не проявляя особых эмоций, лишь кивнул:

— Хорошо.

Сегодняшние съёмки затянулись. В девять тридцать вечера Линь Чэн специально подождал немного, прежде чем отправиться к Ван Цзэвэню.

Когда он пришёл, в комнате уже было несколько человек.

Ван Цзэвэнь и его команда сидели внутри, потягивая алкоголь и обсуждая работу. Линь Чэн, держа в руках сценарий, вошёл, и знакомый помощник режиссёра предложил ему сесть рядом.

Линь Чэн коротко поздоровался со всеми и тихо сел.

Ван Цзэвэнь, выудив из кучи документов одну тетрадь, бросил её Линь Чэну:

— Это записи Лю Фэна с чётки сценария, посмотри, сможешь ли разобраться.

Линь Чэн открыл её и пробежался глазами по беспорядочным и хаотичным записям, обнаружив, что они были сделаны крайне небрежно.

Ван Цзэвэнь снова спросил:

— Ты уже прочитал весь сценарий? Сколько раз?

Линь Чэн ответил:

— Прочитал. Не знаю, сколько раз.

Ван Цзэвэнь:

— Что вынес?

Он задал вопрос просто так, ведь сейчас мало кто из молодых актёров серьёзно подходит к кино. В киноиндустрии ещё есть свои правила, но в телевизионной сфере, как говорят, царит хаос. Люди из любительских трупп не могут выйти на сцену, актёры сами приносят сценаристов, чтобы добавлять сцены, или вообще не учат текст, не говоря уже о том, чтобы вникать в роль.

Линь Чэн снимался в телесериалах много лет, и неизвестно, перенял ли он эти плохие привычки.

Линь Чэн немного колебался, затем сказал:

— Я написал... небольшую характеристику персонажа.

Ван Цзэвэнь поднял бровь, зажал в зубах незажжённую сигарету и взглянул на него:

— Покажи.

Линь Чэн передал лежащую под ним тетрадь.

— Всего около восьмисот слов. В последние дни было слишком утомительно, времени не хватило, — сказал Линь Чэн. — Позже я доработаю.

<http://bllate.org/book/16819/1546848>